

УДК 811.161.1

**АКСИОЛОГИЧЕСКИЙ И СЕМАНТИЧЕСКИЙ СТАТУС
ОТЫМЕННЫХ НАРЕЧИЙ В «ПОВЕСТИ ВРЕМЕННЫХ ЛЕТ»***И.В. Ерофеева***Аннотация**

В статье рассматриваются функциональные и семантические особенности отыменных наречий в тексте древнерусского памятника – «Повести временных лет». Анализ проводится с учётом аксиологической составляющей, характеризующей употребление наречных форм. Исследуется словообразовательная структура отыменных наречий и определяется специфика их употребления в контекстах разной содержательной и идейной направленности. Установлено, что наречия содержат в своей смысловой структуре разные виды оценок, важные для сознания средневекового человека.

Ключевые слова: отыменные наречия, семантика, аксиология, словообразование.

Наречие как часть речи по происхождению связано с именем. Оно восходит к древнему синкретичному образованию, которое функционировало как нерасчленённое имя. Образование наречий тесно связано с формированием частеречной самостоятельности прилагательного, которое стало выразителем синтаксических отношений определения. «Оформление понятия о признаке с помощью особой грамматической категории признакового имени является основой для ещё большего обособления признака от субстанции, что проявляется сначала в активно устанавливающихся связях признакового имени определённой формы с глагольными и отглагольными формами на уровне текста, в синтагме, а затем и в категориальном переходе определительных имён в разряд примыкающих имён – наречий» [1, с. 257]. В результате обособления признака от субстанции стало возможным установление связей признакового имени с глагольными и отглагольными формами в тексте и как следствие – образование наречий на базе определительных имён. Постепенно именно позиция той или иной формы в контексте стала фактором, обуславливающим её отнесённость к прилагательным или наречиям.

Формирование наречия как самостоятельной грамматической категории слов связано с развитием абстрактного мышления и необходимостью выражения отвлечённых значений времени, места, образа действия, цели, причины, степени и меры.

Наречия используются для выражения семантической характеристики действия, отличаясь от определяемых изменяемых слов своей неизменяемостью. В качестве производящих основ для наречий выступают основы слов различных частей речи. По мере изменения грамматического строя языка происходит увеличе-

ние словообразовательной базы наречия, что усиливает его позиции в кругу слов другой частеречной принадлежности. По мнению многих исследователей, наречие отличается отсутствием форм словоизменения, а потому представляет интерес с точки зрения исторической только в плане словообразовательной структуры [2, с. 306].

В результате образования наречия как самостоятельной части речи, выражающей признак действия или признак признака, у него появляются такие морфологические, синтаксические и семантические свойства, которые отсутствуют у производящих слов. Так, базой для образования ряда наречий послужили несогласованные определения: «Примкнув в синтаксическом и семантическом отношении к глаголу, они утратили способность изменяться по падежам и приобрели значение признака, приписываемого объекту или субъекту только при посредстве другого признака – действия или состояния, что в целом означает переход таких прилагательных в наречия» [3, с. 235].

Таким образом, к началу формирования письменности основные словообразовательные и семантические группы наречий представляют собой сформировавшиеся типы слов, нашедшие отражение в начальных русских летописях в различных видах.

Наиболее многочисленную группу в летописных текстах составляют наречия на -о/-ѣ. Большинство из них являются качественными наречиями, образованными от соответствующих имён прилагательных. Семантика подобных образований достаточно однородна: они в основном выступают как наречия образа и способа действия. Наиболее древнюю группу наречий представляют формы, образованные от качественных прилагательных, позже появились наречия от относительных прилагательных. Наречия, мотивированные качественными прилагательными, используются для характеристики/оценки действия или признака. При этом они сохраняют в своей семантике основные компоненты значения производящего адъектива. Выражая признак действия, а не предмета, многие наречия с качественным значением включают и количественный компонент, предполагающий указание на интенсивность действия.

Поскольку наречия характеризуют действие или признак, в них содержится указание на степень значимости для человека соответствующего действия или признака. Для характеристики ряда наречий, мотивированных прежде всего качественными прилагательными, важным параметром оказывается содержащаяся в их семантике дополнительная оценочность. В значении целой группы наречий, обнаруженных в летописном тексте, можно выявить этическую оценку, относящуюся к группе сублимированных, или абсолютных, оценок, которые включают категории эстетических и этических оценок [4, с. 14]. Использование наречий данной группы отражает нравственные ориентиры древнего человека, позволяет реконструировать его духовную организацию.

Рассмотрим функционирование наречных образований в самом значительном памятнике русского летописания – «Повести временных лет» (I). Одним из частотных наречий, содержащих этическую оценку, в летописном тексте является форма *достойно*. Во фрагменте «Сказания об обретении грамоты словенской» *окончавъ же **достойно** хвалу и славу Богу въздасть* (898 г.) данное наречие определяет не просто глагол-сказуемое, а устойчивое словосочетание

въздати хвалу и славу Богу в целом. То же самое наречие при глаголе речевого воздействия *хвалити* употребляется и в «Сказании об убиении Бориса и Глеба»: *Мы должны есмы хвалити **достойно** страсотърпѣца Христова. молящееся прилѣжно к нима* (1015 г.). При этом в наречии реализуются такие семантические компоненты производящего прилагательного, как ‘соответствующий кому-либо, чему-либо по своим достоинствам, качествам’¹.

В летописях отмечается не только адвербиальная форма данного слова, но и предикативная, послужившая в дальнейшем базой для образования категории состояния. В договоре 945 г. (*Аще ли ключится оукрасти Русину отъ Грекъ что или Грьчину отъ Руси, **достойно** есть да възворотити е не точю едино, но и цѣну его*) реализуется значение ‘следует, подобает’, вследствие чего утрачивается аксиологический компонент, свойственный наречной форме. Подобная же функция отмечается в приведённом образовании и в случае употребления его в качестве однородного члена с формой *праведно*, также содержащей этическую оценку: *Яко на хрестьяньстѣ родѣ страхъ и колѣбанье и бѣда оупространися, **праведно** и **достойно** есть тако да накажемься* (1092 г.).

В одном смысловом ряду в древнерусских текстах могут отмечаться наречия, эксплицирующие эстетические и этические оценки. «Первые связаны с удовлетворением чувства прекрасного, вторые – с удовлетворением нравственного чувства, “органом” которого является совесть» [4, с. 14]. В качестве примера можно привести образования *добро* и *красно*, которые используются в «Сказании о Борисе и Глебе» для описания фактов религиозного характера: *Се коль **добро** и коль **красно** еже жити братама вкупѣ. оканьнии же възвратишиа възспать* (1015 г.). Наречие *добро* омонимично соответствующему существительному и употребляется наряду с ним. Наречие *красно* соотносится с прилагательным *красный* в значении ‘красивый, прекрасный’. Данные образования представляют пример древнего синкретизма грамматических форм. Они выступают как переходные формы, развивающиеся в направлении от выражения наречного значения к предикативному. Наречие *красно*, реализующее эстетическую оценку, отмечается в «Сказании о Борисе и Глебе» дважды: *Каплями кровными святыми очервившиа багрянницу славная. ту же **красно** носяща съ Христомъ царствуета всегда* (1015 г.).

Наречие *любо*, так же как и *добро*, омонимично соответствующему существительному и способно реализовывать этическую оценку. Оно выступает в летописном тексте в роли слова состояния в предикативном значении ‘хорошо, угодно кому-то’. При этом данное состояние может относиться как к высшей сущности, так и к конкретным историческим персонажам: *Яко Господеви **любо** бысть тако и бысть* (1093 г.); *Рече Святославъ къ матери своей и къ бояромъ своимъ. не **любо** ми есть в Киевѣ быти. хочю жити в Переяславци в Дунаи* (969 г.). Смысловая и содержательная наполненность контекста определяет необходимость использования данного образования.

Наречия, подобно именам, от которых они образованы, способны к реализации различных лексических отношений. Они вступают в отношения синонимического и антонимического взаимодействия. Антонимические связи реализуются

¹ Семантика наречий описывается с опорой на «Словарь русского языка XI – XVII вв.» (II) и «Материалы для Словаря древнерусского языка» И.И. Срезневского (III).

в группах наречий, мотивированных прежде всего качественными прилагательными, в виде однокоренных и разнокоренных антонимов. Так, в летописи отмечается образование *нелюбо*, которое также фиксируется в предикативной функции.

Наряду с однокоренным антонимом наречие *любо* и синонимичные ему наречия имеют и разнокоренной антоним – *зълѣ*. Данная форма представлена в летописи с суффиксом *-ѣ*, который использовался в наречном словообразовании наряду с суффиксом *-о*. «Аффикс *-о* по происхождению является окончанием среднего рода ед. числа вин. падежа, а *-ѣ* – окончанием местного падежа» [5, с. 225]. По значению наречия на *-о* и *-ѣ* не различались, однако в летописи отмечается только форма *зълѣ*, что, видимо, связано с омонимией наречия *зълѣ* с соответствующим существительным. Содержащаяся в семантике наречия *зълѣ* отрицательная этическая оценка может быть соотнесена с действиями различного характера. Данное наречие употребляется при глаголе перемещения *отверзати*, характеризуя явления природы и реализуя значение ‘плохо, дурно’: *Да того ради затворяется небо. ово ли зълѣ отверзается градъ. вожа мѣсто пуская. ово ли мразомъ плоды оузнабляя* (1068 г.).

Отрицательное значение данной лексемы усиливается в случае реализации семантики ‘зло, жестоко, мучительно’. В данном значении оно выступает при глаголе отрицательного воздействия на объект *испроверици*, в смысловой структуре которого ‘уничтожить, отнять, извергнуть’ также содержится яркий оценочный компонент: *Испроверже злѣ животъ свои в томъ мѣсте егоже по правдѣ. яко неправедну суду нашедшу на нь* (1019 г.). В семантике наречия *зълѣ* может быть представлен и религиозный компонент в случае реализации значения ‘греховно, несправедно, еретически’.

К качествам морального характера относится в Средневековье честность. Прилагательное *честъныйи* выступало с целым рядом значений: ‘почтенный’, ‘достойный, пользующийся уважением’ и др., обнаруживая тесную взаимосвязь со значением производящего существительного *чъсть*. Поэтому в данном прилагательном, а также образованном от него наречии явно выражена внутренняя форма, связанная с репрезентацией этических оценок. Наречие *честно* употребляется в религиозном контексте в «Житии Феодосия Печерского» в значении ‘достойно, как подобает’: *Проводивше с пѣсньми. с свѣщами честно. на хвалу Богу нашему Иисусу Христу* (1074 г.).

Представление о прекрасном находит выражение в различных адвербиальных формах. Так, наречие *дивъно* выражает эстетическую оценку, представленную в значении производящего прилагательного *дивъныйи* ‘удивительный, необыкновенный’. Оно отмечается при описании землетрясения: *В Сурии же бысть трусь великъ. земли расѣдишия трии поприць. изиде дивно и-землѣ. мьска челоувечкъмь голосомъ глаголющи* (1065 г.). Наряду с данным наречием употребляется и префиксальное производное с аффиксом *пре-*, указывающим на высокую степень проявления признака. Наречие *предивъно* мотивируется прилагательным *предивъныйи* в значении ‘вызывающий удивление и восхищение’.

О высокой степени качественности данного наречия свидетельствует возможность его употребления с негативизирующим префиксом – *недивъно*. Данное образование, соотнесённое с прилагательным *недивъныйи* в значении ‘не вызывающий

удивления, неувидительный’, употребляется в предикативной функции: *Аще и брата моего убилъ еси то есть **недивно** в ратех бо и цари и мужи погыбають* (1096 г.). Другим образованием, реализующим наряду с эстетической этической оценкой, является вышедшее из употребления в современном русском языке наречие *лѣпо* в значении ‘надлежащим образом, хорошо, красиво’. В «Повести об ослеплении Василька Тербовльского» оно выступает в отрицательной конструкции: *Се же ·в·е миценьє створи. его же не бяше **лѣпо** створити* (1097 г.).

В древнейших наречиях могут реализовываться разные виды оценок. Наречие *право* относится к образованиям, представляющим нормативные оценки. Как и многие другие наречия, оно омонимично соответствующему достаточно частотному имени существительному. Данное образование отличается синкретичной семантикой, способностью реализовать различные оттенки значения в зависимости от смыслового окружения и характера глагола, к которому оно примыкает. Первичное значение данного наречия ‘прямо, по прямой’ расширяется до более абстрактного ‘правильно, верно’, которое реализуется в случае отнесённости наречия к глаголу интеллектуальной деятельности подполя познания *свѣдѣти*: *Не свѣдуеще **право** глаголетъ яко крестилься есть в Киевѣ* (987 г.). Оно может определять глагол речевой деятельности *повѣдати* и реализовывать значение ‘честно, правдиво’: *И рече има Янь. то ти вам **право** повѣдали* (1071 г.); *Да аще **право** глаголеши Богъ ти буди послух. да аще ли завистью молвиши Богъ будет за тѣмъ* (1097 г.). В соотношении с глаголом речевого общения *просити* образование *право* актуализирует значение ‘воистину, действительно, в самом деле’, что отмечается в «Сказании о мести Ольги деревлянам»: *Да аще мя просити **право** то пришлите мужа нарочиты. да в велицѣ чти приду за вашъ князь* (945 г.).

Сходная семантическая судьба характерна для антонимичного к наречию *право* наречия *криво*. Оно употребляется в значении ‘неправильно, неверно, ложно’, отражая семантическое переосмысление производящего прилагательного, которое наряду с первичным значением ‘кривой, изогнутый’ развивает отвлечённую семантику ‘несправедливый, неправильный, ложный’. Данное наречие отмечается в договоре Игоря 945 года: *Аще кто от Руси или от Грекъ створи **криво**. да оправляетъ то* (945 г.).

В значении древнерусского наречия может отражаться и интеллектуальная оценка. Она представлена в наречиях *хитро* и *чюдно*: *Придоша Гръци хуляше вси законы. свои же хваляше. и много глаголаша сказующе. от начала миру о бытѣи всего мира. суть же **хитро** сказующе. и **чюдно** слышати их* (987 г.). Прилагательное *хитрыи* отличалось синкретизмом семантики, способностью реализовывать целый комплекс значений, среди которых такие, как ‘учёный, мудрый’. Именно данная семантика актуализирована в наречии *хитро*, которое выступает в значении ‘со знанием, мудро’. Наречие *чюдно*, мотивированное прилагательным *чюдныи* в значении ‘достойный удивления’, отмечается в текстах с семантикой ‘удивительно, возбуждая удивление’.

Интеллектуальная оценка актуализируется также в наречии *смыслено* в значении ‘разумно’, которое отмечается в словах Соломона о жёнах при перечислении качеств, присущих настоящим жёнам: *Оуста же свои отверзе **смыслено**. в чинъ молвить языкъмъ своимъ* (980 г.).

Наряду с оценочным смыслом в семантике наречия может отражаться и символическое значение. Особое представление о свете в библейской традиции находит отражение в семантике наречия с данным корнем – *свѣтло*. Символическое восприятие света определялось спецификой мировоззрения человека той эпохи. В лингвокультурном пространстве человека Средневековья представление о свете тесно связано с библейской традицией, в которой свет ассоциируется с такими явлениями, как свечение, чистота, святость. Данное обстоятельство определяло появление морального компонента в значении наречия *свѣтло*. Оно развивает ряд непрямых значений, выступая как когнитивная метафора, используемая для оценивания окружающей действительности. Например, при описании религиозных празднеств *свѣтло* реализует семантику ‘торжественно, приподнято, проникновенно’: *И створше праздникъ праздноваша свѣтло. и преложиша я в новую церковь* (1072 г.); *В няже дни очистившися душа. празднуетъ свѣтло на Воскресенье Господне веселящися о Бозѣ* (1074 г.) и др. В летописи наречие *свѣтло* употребляется в составе устойчивой ситуативной формулы *праздновати свѣтло*, где адвербиальный компонент определяет глагол с семантикой религиозного действия.

Ряд наречий в летописном языке выступает с социальной семантикой. К ним относится наречие *мирно* в значении ‘в мире, без войны’. Оно соотносится с одним из омонимичных прилагательных *мирный* в значении ‘спокойный, тихий’, ‘связанный с прекращением войны, с заключением соглашения о мире’, через посредство которого реализуется связь с существительным *миръ* в значении ‘покой, тишина’, ‘отсутствие войны’: *Молящася къ Владыцѣ Богу нашему. мирно пребывати в совокуплении и въ сдравии избавяща от оубоныхъ рати и от пронырства дьяволя* (1015 г.). В погодной записи исторического характера социальный компонент семантики ещё более актуализирован: *И начаста жити мирно и в братолюбствѣ и оуста оубоица и мятежь. и бысть тишина велика в земли* (1026 г.). Образование *мирно* выступает в контексте в противопоставлении с антонимичным наречием *ненавидно* в значении ‘несогласно, во вражде, ненависти’, причём оба наречия употребляются при глаголе существования *жити*: *Аще будете в любви межю собою. Богъ будетъ в васъ. и покоривыть вы противныя подъ вы. и будете мирно живущее. аще ли будете ненавидно живущее в распряхъ и которающася то погыбнете сами и погубите землю отецъ своихъ* (1054 г.).

С практической деятельностью и повседневным опытом человека связаны рационалистические оценки. Характерной чертой таких оценок является выполнение определённой функции, связанной с достижением конкретной цели. Подобные оценки заложены в семантике наречия *крѣпко*, смысловая структура которого наследует смысловую структуру производящего прилагательного *крѣпкий*. Развитие значения адъектива *крѣпкий*, как и многих других качественных прилагательных, происходит в направлении от конкретной семантики к более отвлечённой. Таким образом осуществляется вовлечение в его смысловую сферу новых областей окружающей действительности, позволяющее использовать наречие *крѣпко* для номинации признаков разнообразных действий и их характеристики. Системы значений прилагательного *крѣпкий* и наречия *крѣпко* находятся в отношениях корреляции: первичное значение

прилагательного *крѣпъкыи* ‘твёрдый, прочный’ отражается в семантике наречия *крѣпко* ‘прочно, крепко’, вторичные значения также взаимообусловлены: ‘физически сильный, выносливый’, ‘могущественный, непобедимый, сильный’ > ‘стойко, непоколебимо, мужественно’; ‘надёжный, прочный, нерушимый’ > ‘надёжно, прочно, нерушимо’; ‘строгий, суровый’ > ‘строго, сурово’; ‘настойчивый, исполненный упорства’ > ‘упорно, настойчиво, напряжённо’; ‘проявляющийся в сильной степени’ > ‘сильно, очень, весьма’ и даже ‘громкий’ > ‘громко’.

Реализация того или иного компонента значения находится в зависимости от содержания контекста. В погодных статьях военной тематики наречие *крѣпко* с семантикой ‘стойко, непоколебимо, мужественно’, как правило, употребляется наряду с формами глаголов *боротися*, *битися*: *А Деревляне затворишася въ градѣ и боряхуся крѣпко изъ града* (946 г.). Гораздо реже наречие *крѣпко* отмечается в контекстах религиозного характера. В таких случаях реализуется его значение ‘строго, сурово’, ср. в «Житии Феодосия Печерского»: *А во ины дни пребываше в постѣ и в молитвах. въздержася крѣпко* (1074 г.). В другом религиозном отрывке реализуется иной компонент семантики той же наречной формы – ‘стойко, непоколебимо’: *И на заоутреню входя прежде всѣх стояше крѣпко и неподвижимо* (1074 г.). В данном контексте значение наречия актуализируется в соотнесении с выступающим в качестве однородного члена наречием *неподвижимо* ‘неподвижно’, образованным от страдательного причастия.

К рационалистическим относятся, как известно, также и утилитарные оценки. Они могут реализовываться в переносных значениях наречий. Так, у наречия *сладко* представлен именно такой вид оценки в случае актуализации значения ‘приятно’. Оно употребляется при глаголе восприятия *послушати*: *Володимерь же слушаше ихъ . бѣ бо самъ любя жены и блуженье многое. послушаше сладко* (986 г.).

Немногие наречия, содержащие рационалистическую оценку, используются в древнерусских текстах для характеристики религиозных действий. Образ религиозного действия обозначает наречие *прилежно* в «Сказании о Борисе и Глебе», где оно имеет семантику ‘усердно, старательно’: *Хвалити достойно страстотърпца Христова. молящееся прилежно к нима* (1015 г.). В рассуждении летописца о книжном просвещении наречие *прилежно* актуализирует значение ‘внимательно’: *Аще бо поищеши въ книгахъ мудрости прилежно. то обрящеши велику ползу души своеи* (1037 г.). Совокупность словоупотреблений данной лексемы репрезентирует связанность с сакральной сферой, поскольку качества, выражаемые прилагательным *прилежныи* и производным от него наречием, имеют отнесённость именно к этой области и проявляются прежде всего в ней.

Оценка не содержится в семантике наречий места и времени. Некоторые из них совмещают различные типы собственно обстоятельственных значений и качественно-характеризующих значений. Так, наречие *разно*, употребительное в тексте «Повести временных лет», выступает как со значением места ‘врозь, в разные стороны, в разные места’, так и со значением образа действия ‘порознь, отдельно’ или ‘по-разному’. Значение места актуализируется в отрывках фольклорного происхождения: *Печенѣзи же мнѣша князя пришедша. побѣгоша разно от града* (968 г.). При этом наречие *разно* обычно употребляется при глаголах

перемещения в пространстве: *Да воюемъ за три лѣта. и разидостя **разно*** (992 г.). Значение образа действия также актуализируется в контекстах военного содержания: *И ста Святополкъ с своею дружиною. а Давыдъ и Олегъ с своею **разно** кромѣ собе* (1100 г.).

Наречие *разно* можно обнаружить и в отрывках религиозного характера, в которых оно примыкает к глаголам других лексико-семантических групп, в том числе выступающим в метафорическом значении. В контексте *Възмутиша Италию всю. сѣюще оученье свое **разно*** (988 г.) наречие *разно* в значении ‘повсюду’ отмечается при устойчивом словосочетании *сеяти ученье*. При глаголе расположения объектов в определённом пространстве *расытатися* это наречие выражает особое значение, связанное с распространением чего-либо во все стороны: *Тако и по сего смерти все имѣнье расытася **разно*** (1075 г.).

К числу малоупотребительных в тексте летописи необходимо отнести наречия времени с суффиксом *-о*. Образование *вѣчно* в значении ‘вечно, нескончаемо, пожизненно’ используется при причастии от глагола *мучити* со значением отрицательного воздействия на объект. Оно фиксируется в авторском отступлении о наказании за убийство Бориса и Глеба, где тема вечности сопряжена с представлением о загробной жизни: *Въ смерть немилостивно въгна. и по смерти **вѣчно** мучимъ есть* (1019 г.). Другим примером подобного рода является наречие *скоро* в значении ‘быстро, вскоре’, которое также указывает прежде всего на время совершения действия. Оно отмечается в религиозном контексте традиционного содержания в рассказе об испытании веры Владимиром: *Приближается **скоро** правда моя и изидеть. и на мышцу мою страны уповають* (986 г.).

Значение времени у наречий с суффиксом *-о* может быть, как известно, семантически производным, возникшим на базе значения образа действия. Так, наречие *легько*, соотносимое с синкретичным по семантике прилагательным *легькыи*, обозначает признак, проявляющийся в незначительной степени. Оно реализует значение ‘так, что нетрудно поднять, держать’, от которого семантически производным является второе значение ‘быстро’, которое и отмечается в летописи в «Сказании о мести Ольги деревлянам»: *Ольга же поимши малы дружины. **легько** идущи. приде къ гробу его* (945 г.). Наречие *легько* употребляется здесь при причастии от глагола перемещения в пространстве *ити*, что согласуется с семантикой времени действия, которую оно реализует. Другим наречием времени является достаточно употребительное в летописи наречие *часто*.

К количественным наречиям, обозначающим меру или степень проявления действия/признака, относятся наречия *много* и *мало*, достаточно частотные в летописном тексте. Они лишены каких-либо дополнительных компонентов значения, кроме собственно количественных параметров.

В качестве производящих основ для наречий на *-о* выступают разные в структурном отношении и в плане частеречной принадлежности формы. Так, наречие *въздержаньно* характеризуется соотносённостью с причастием *въздержаньныи* с широкой семантикой ‘исполненный воздержания’, обусловленной значением производящего глагола *въздержатися* ‘воздерживаться, отказываться от чего-либо’. Данное наречие употребляется в историко-этнографическом введении при описании нравов разных народов: *Безаконья яко законъ отецъ творять. независтьно ни **въздержаньно*** (I, с. 16).

Наречие *велегласно* в значении ‘громогласно’, образованное от сложного прилагательного *велегласными*, отмечается в тексте с семантикой образа действия, которая осложняется количественной характеристикой, так как качество, названное производящим прилагательным, проявляется в высокой степени: *Рцѣмъ велегласно праведенъ еси Господи и прави суди твои* (1093 г.).

Целый ряд наречий выступает в исследуемых текстах с префиксальным элементом *не-*. Так, образование *невидимо* в значении ‘скрытно, таинственным образом’ используется при описании бесовского действия (*Аще кто вылѣзаше ис хоромины. хотя видѣти. абые оуязвенъ будяше невидимо от бѣсовъ* (1092 г.)), образование *независтно* в значении ‘без ревности, без зависти, соперничества’ – в историко-этнографическом введении при характеристике нравов иноязычных племён (*Безаконная яко законъ отецъ творять независтно ни въздержанно* (I, с. 16)), образование *нелицемерно* в значении ‘нелицеприятно, справедливо’ – в «Похвальном слове Феодосию Печерскому» при описании качеств его человеческой личности (*Се же сбысться прореченье блаженаго отца нашего Феодосья. доброгo пастуха. иже пасяше словесныя овця. нелицемерно с кротостью и с рассмотреньемъ* (1091 г.)), образование *немилостивно* в значении ‘безжалостно, беспощадно’ – при изображении наказания Бога за убийство братьев (*Показоваше явѣ посланная пагубная рана. въ смерть немилостивно възна* (1019 г.)), образование *неразмѣсно* в значении ‘без смешения, слияния’ – в Корсунской легенде при характеристике Божественной сущности (*Раздѣляется бо ся неразмѣсно и совкупляется неразмѣсно* (988 г.)).

Следующий структурный тип отыменных наречий, нашедших отражение в летописном тексте, представлен формами, образованными от прилагательных с суффиксом *-ьск-*. Они образуются при помощи аффикса *-ы* и выступают со значением образа действия. Важным фактором, определяющим значение данной группы наречий, является семантическая специфика производящих прилагательных. Адъективы на *-ьск-* сами являются производными формами, а следовательно, обозначают признак опосредованно через отношение к предмету, признаку или действию, названному производящим словом. Суффикс *-ьск-* имел семантическую специализацию, так как усложнял прежде всего основы личных имён существительных. Вот почему образованные с его помощью прилагательные часто обозначали принадлежность, приближаясь к образованиям посессивной семантики.

Прилагательные с суффиксом *-ьск-* образовывались от именных основ, называющих лиц по полу, возрасту, социальному положению, званию, сану, религиозным признакам. Первоначальное значение принадлежности у подобных имён постепенно утрачивалось, поскольку некоторые из них (например, *людьскыи* и *человѣчьскыи*) могли соотноситься с существительными с обобщённым значением лица, что приводило к развитию в их пределах более отвлечённого и качественного значения.

В летописном тексте представлены различные образования от прилагательных на *-ьск-*, функционирующие как с прямыми, так и с переносными значениями. В одних случаях наречия на *-ы* выступают с семантикой, обусловленной прямым значением производящего прилагательного. Так, наречие *волчьскыи* имеет значение ‘по-волчьи’: *И вставъ Бонякъ отѣха от вои и поча выти волчьскыи и волкъ*

отвыся ему (1097 г.). Другие наречия мотивируются прилагательными на *-ьск-*, которые подверглись процессам переосмысления и развили качественные значения. Например, *мужьски* уже имеет значение ‘мужественно, как подобает мужчине’, соотносимое с более широким и отвлечённым значением прилагательного *мужьский* ‘мужественный, храбрый’: *И рече Святославъ воемъ своимъ. оуже намъ сде пасти. потягнемъ мужьски братья и дружино* (971 г.). Данное значение развилось на базе прямого ‘относящийся к мужчине, мужской’, обусловленного соотносённостью с существительным со значением лица по полу. Употребление наречия *мужьски* в контексте воинской повести связано со спецификой летописного повествования, в котором присутствуют элементы идеализации того или иного события и художественной изобразительности. К единичным случаям относится употребление наречий, производящей основой которых является прилагательное с этнонимическим значением, например *печенѣжьски* в значении ‘по-печенежски’: *И ристаша сквозѣ Печенѣжи глаголя. не видѣ ли коня никтоже. бѣ бо умѣя Печенѣжьски* (968 г.).

В «Поучении о казнях Божиих» употребляется наречие *поганьски* ‘язычески, не по-христиански’, обладающее яркой отрицательной коннотацией, обусловленной соотносённостью с прилагательным *поганьский* в значении ‘языческий, иноверческий, нехристианский’: *Не словомъ нарицающесе хрестьяни. а поганьски живуше. се бо не погански ли живемъ. аще оусрѣсти вѣрующе* (1068 г.). В качестве производящей основы данного прилагательного выступает существительное *погань* или *поганинь* в значении ‘язычник, иноверец’, отсюда и его приведённая выше семантика.

В «Легенде о сотворении мира» употребляется наречие *скотьски* в значении ‘как животное, по-скотски’, которое также подвергается семантическому переосмыслению и приобретает качественные оттенки: *Исполнишася блуда. и всякая нечистоты. и оубиства. и завивисти живяху скотьски человѣци* (986 г.).

Отдельную группу в летописном тексте составляют отыменные наречия типа *досуха, издавна*. Существуют разные точки зрения по поводу происхождения данных наречий. Традиционно они рассматриваются как падежные формы кратких прилагательных с предлогами. Однако прилагательное, как известно, не могло употребляться с предлогом, так как являлось определением, предлог же функционировал при формах с общим предметным значением. Оригинальная и обоснованная точка зрения на происхождение подобных форм была высказана В.М. Марковым, который возводил их к предложно-падежным формам имён существительных. В качестве доказательства В.М. Марков приводит многочисленные примеры существительных типа *сухо, право, лево, мало, ровно* и под. По мнению учёного, «все они возникали в результате закономерной адвербиализации субстантивно-предложных сочетаний и, таким образом, между наречиями типа *докрасна* и наречиями типа *доверху* с исторической точки зрения принципиальные различия отсутствуют» [6, с. 144].

Наречия, связанные по происхождению с предложно-падежными формами существительных, в тексте летописей составляют отдельную группу отыменных образований. В семантике таких форм значительную роль играет лексическое значение производящего существительного. В данной группе образований чаще всего отмечаются формы со значением места и времени действия. По своему

значению они отличаются от отадъективных наречий, которые выступают в тексте преимущественно со значением образа и способа действия.

Особенно продуктивен в образовании подобных отыменных наречий препозитивный элемент *из-*. С его помощью образуется целый ряд форм данного структурного типа. Это прежде всего наречия со значением времени действия, в основе которых представлены существительные с временным значением. Наречия с этимологически родственными корнями реализуют сходную семантику, ср.: *изначала* ‘искони, изначально’ и *искони* ‘вначале, сначала’. Близкое значение имеет и наречие *исперва* – ‘сначала, сперва’. Наречие *изнова* ‘снова, сызнава’ также связано с указанием на время действия. Подобное же указание на временной отрезок представлено в наречии *издѣтъска* ‘с детства, с детских лет’. Использование наречий времени согласуется с характером летописного повествования, в котором изложение исторических событий часто сопровождается указанием на время их протекания. Другие наречные образования используются для указания на меру и степень, например: *исполнь* – ‘сполна, в полной мере’, *излиха* – ‘очень, особенно сильно’, *повелику* – ‘много, значительно по силе, степени проявления’ и антонимичное ему наречие *помалу* – ‘понемногу’.

В летописном тексте можно обнаружить и наречия времени на *-ѣ*, осложнённые различными префиксами. Так, наречие *въскорѣ* частотно в тексте летописи в значении ‘немного времени спустя, вскоре’. Другим образованием данного структурного типа является наречие времени *въборзѣ* ‘быстро, скоро, без промедления’, синонимичное наречию *борзо* и заменённое им в дальнейшем. Наречие на *-ѣ* с препозитивным элементом *на-* *надолзѣ* отмечается в значении ‘долго’ и также вытесняется в более поздних текстах наречием на *-о* *долго*. При этом в формах с приставками гораздо ярче выражен эмоционально-усилительный смысл. О возможности таких форм выражать особые оттенки значения говорит Н.В. Чурмаева в своей работе, посвящённой истории наречий: «Начальный элемент мог вносить дополнительный оттенок в значение основного слова» [7, с. 22]. Для указания на заключительный временной отрезок используется наречие времени *наконецѣ* ‘в конце концов, в конечном итоге, напоследок’.

Если в качестве производящей основы наречия выступает существительное с пространственным значением, то наречие актуализирует значение места действия: *вънизѣ* – ‘по направлению к низу, вниз’, *назади* – ‘сзади, позади’. Наречия места *въслѣдѣ* ‘вслед’ и *посредѣ* ‘в середине’ могли выступать также в функции предлога, если примыкали к существительному.

Если в производящей основе наречия представлено существительное абстрактной семантики, наречие, как правило, используется в религиозных контекстах и реализует значение образа действия. Например, образование *вътаинѣ* в значении ‘тайно, втайне’ фиксируется в близких идейно и содержательно текстах – в «Сказании о Печерском монастыре» (*И моляшеся ту Богу вътаинѣ* (1051 г.)) и в «Сказании о первых черноризцах» (*И аще кого видяше в помышленьи. обличаше и вътаинѣ и наказаше блюстися от дьявола* (1074 г.)). Наречие *воистину* также отмечается в значении образа действия ‘воистину, действительно’ и имеет в основе отвлечённое существительное *истина*: *Въистину в того вѣруемъ. тѣхъ бо пророци прорѣцаху* (983 г.). Синонимическое наречие

поистинѣ в сходном значении образовано от той же производящей основы, но с помощью иного препозитивного элемента. При этом оно выступает в разнообразных контекстах, в том числе исторического содержания, ср.: *Володимеръ расплакавъся и рече. поистинѣ отци наши и дѣди наши зблюли землю Русьскую* (1097 г.).

Таким образом, наречия, будучи связанными по происхождению с именными образованиями, заключают в себе различные виды оценок, важных для сознания средневекового человека. Оценочные компоненты в семантике адвербиальных форм свидетельствуют об отражении в их значениях определённых правил и заповедей, в соответствии с которыми была организована жизнь человека той эпохи. К числу наиболее актуальных относятся сублимированные и рационалистические оценки. Сублимированные оценки связаны с удовлетворением нравственных потребностей, чувства прекрасного, что составляет ядро духовного начала человека с древнейших времён. Рационалистические оценки отражают практическую деятельность человека и предназначены для её упорядочения и регулирования.

В летописном тексте наречия на *-о/-ѣ* выступают в основном со значением обстоятельства образа и способа действия, реже – со значением места и времени действия. Семантика данной группы наречий определяется значением производящего имени прилагательного. Чем шире семантический объём мотивирующего имени, тем большей многоплановостью отличается значение производного наречия. Заимствуя смысловую структуру производящих слов, наречия на *-о/-ѣ* сохраняют и присущие им оценочные компоненты, от характера которых зависит употребление таких форм в тексте летописи. В религиозных контекстах, отличающихся морализмом и нравоучительностью, представлены наречия, реализующие преимущественно этические, эстетические и интеллектуальные оценки. В контекстах исторического, документального и фольклорного характера, имеющих иную идейную и эстетическую направленность, чаще отмечаются формы, реализующие рационалистические оценки, включая нормативные и утилитарные.

Особую группу наречий представляют формы на *-ьскы*. Значения, с которыми эти наречия выступают в летописных текстах, отражают общезыковую тенденцию развития семантического потенциала данной группы производных имён. Они подвергались семантической специализации и использовались для обозначения способа поведения, свойственного какому-либо лицу или животному. В летописном тексте образования на *-ьскы* представлены в основном формами, мотивированными прилагательными на *-ьск-*, подвергшимися пересмыслению и развившими качественные значения.

Наречия, связанные по происхождению с предложно-падежными формами существительных, способны реализовывать весь комплекс значений, свойственный адвербиальным образованиям. При этом, как и в других группах наречий, их семантика напрямую связана с лексическим значением производящего имени существительного. В «Повести временных лет» подобные формы чаще всего выступают со значением времени, места, меры и степени, реже – образа и способа действия.

Summary

I.V. Erofeeva. Axiological and Semantic Status of Denominative Adverbs in “The Primary Chronicle” (The Tale of Bygone Years).

The paper discusses the functional and semantic features of denominative adverbs in the text of an Old Russian monument, “The Tale of Bygone Years”. The analysis is carried out taking into account the axiological component that characterizes the use of adverbial forms. The article studies the derivational structure of denominative adverbs and determines the specificity of their use in different content and ideologic contexts. It is found that the semantic structure of adverbs contains various types of evaluation, which were important for the consciousness of a medieval man.

Keywords: denominative adverbs, semantics, axiology, word formation.

Источники

- I – Повесть временных лет. Лаврентьевский список летописи // Полн. собр. русских летописей. – М.: Языки слав. культуры, 2001. – Т. 1: Лаврентьевская летопись. – С. 1–286.
- II – Словарь русского языка XI – XVII вв. (Продолжающееся издание). – М.: Наука, 1975–2008. – Вып. 1–28.
- III – *Срезневский И.И.* Материалы для Словаря древнерусского языка: в 3 т. – М.: ГИС, 1958.

Литература

1. *Баранов В.А.* Формирование определительных категорий в истории русского языка. – Казань: Изд-во Казан. гос. ун-т, 2003. – 390 с.
2. *Борковский В.И., Кузнецов П.С.* Историческая грамматика русского языка. – М.: Изд-во АН СССР, 1963. – 512 с.
3. *Янович Е.И.* Историческая грамматика русского языка. – Минск: Университетское, 1986. – 320 с.
4. *Арутюнова Н.Д.* Аксиология в механизмах жизни и языка // Проблемы структурной лингвистики 1982. – М.: Наука, 1984. – С. 5–23.
5. *Хабургаев Г.А.* Старославянский язык. – М.: Просвещение, 1986. – 288 с.
6. *Марков В.М.* О формах наречий, соотносимых с основами кратких прилагательных // Марков В.М. Избранные работы по русскому языку. – Казань: ДАС, 2001. – С. 142–145.
7. *Чурмаева Н.В.* История наречий в русском языке. – М.: Наука, 1989. – 176 с.

Поступила в редакцию
16.07.13

Ерофеева Ирина Валерьевна – доктор филологических наук, доцент кафедры истории русского языка и славянского языкознания, Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань, Россия.

E-mail: erofeeva89@mail.ru